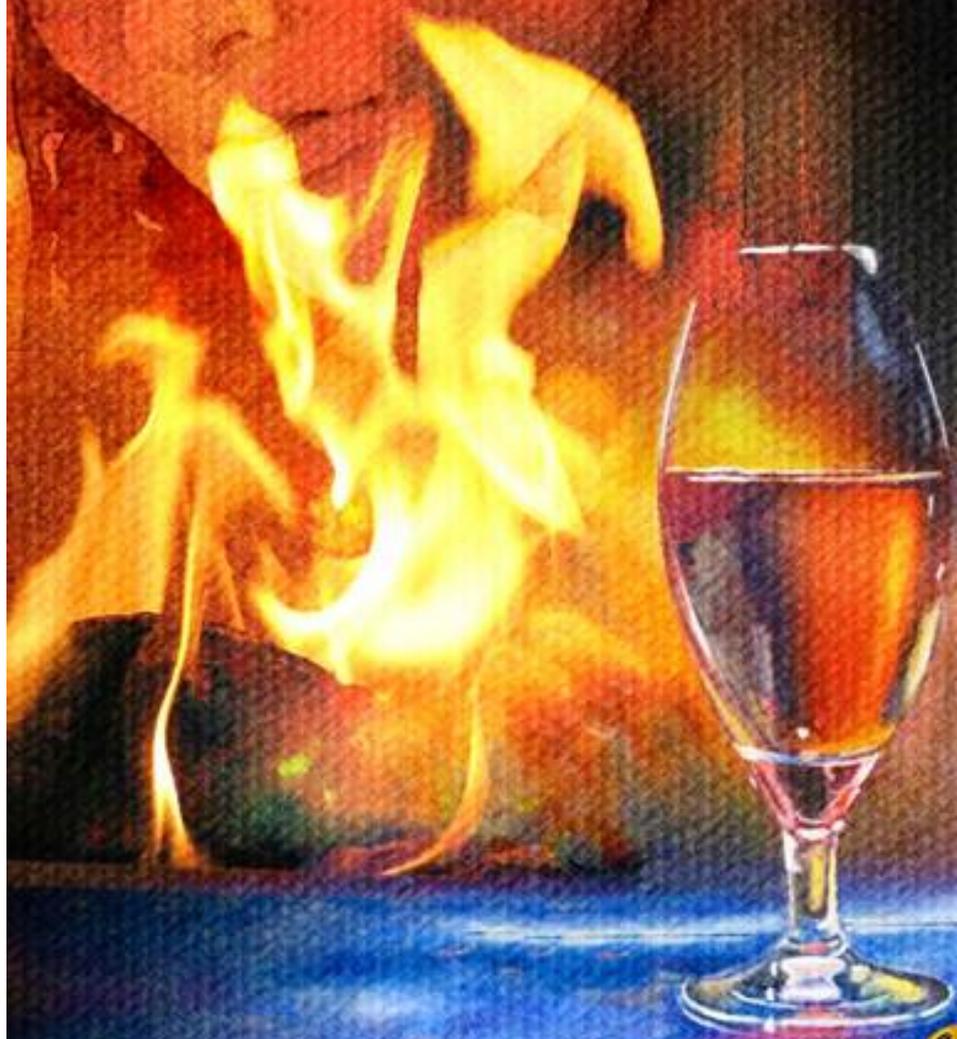

Ольга Тимошина

*Больше не зови
меня*

Ольга Тимошина
Больше не зови меня

«ИП Стрельбицкий»

2015

Тимошина О.

Больше не зови меня / О. Тимошина — «ИП Стрельбицкий», 2015

ISBN 978-5-457-73776-1

В жизни каждого человека бывает момент, когда нужно сделать судьбоносный выбор. Но самый решающий выбор всегда имеет две стороны. Ведь если с одной стороны выбор стоит между свободой и несвободой, то с другой – между определенностью и пугающей неизвестностью. Виктории исполнилось 35, и она поняла, что в ее странный роман с Андреем пора внести ясность. Либо она примет его как свою судьбу, несмотря на его непредсказуемость, эгоистичность, холодность и самоуверенность. Либо она должна уйти навсегда и начать строить свою жизнь заново... «Больше не зови меня» – рассказ Ольги Тимошиной из цикла женской сентиментальной прозы, написанной о земных женщинах, самозабвенно ищущих свое счастье. И так хочется верить, что непременно победит любовь...

ISBN 978-5-457-73776-1

© Тимошина О., 2015
© ИП Стрельбицкий, 2015

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ольга Тимошина

Больше не зови меня

1

Потихонечку я выскользнула из нашей гигантской кровати и на цыпочках пробралась на кухню. В доме стоял тяжелый запах дров. Вчера мы долго болтали, лежа перед камином. Мы свалили подушки с дивана на пол, и, развалившись на них, прикончили не одну бутылочку белого душистого вина.

Андрей с умным видом рассказывал мне про судьбу каких-то монахов, чей удел был собирать виноград, а по мне так это слово следовало заменить на радость жизни, потому как уделом можно назвать лишь тупое стояние в пробке, но уж никак не сбор виноградных лоз со склонов гор и долин в окружении божественных ландшафтов, причем добровольно.

Я распахнула окна и вышла на террасу. Я дышала долго и глубоко, пока мои легкие окончательно не замерзли, и ледяной воздух не начал обжигать кожу. Это было прекрасно. Я любила делать так: совсем голая, оглядываясь по сторонам, боясь быть замеченной собственным садовником или соседями. Я постояла еще чуть-чуть, пока холод от земли не пробрался до моих волос, и вскочила по ступенькам обратно в дом.

Андрей спал, раскинувшись по всей кровати. Так спят завоеватели, уверенные в себе люди и эгоисты. Он был всеми ими сразу. Он был очень красивый мужчина. Однако я почему-то никогда не думала, что он желал кого-то другого кроме меня... Я не хотела, чтобы он проснулся, потому что, чуть открыв глаза, он тут же затащил бы меня обратно в кровать, где мы и так проводили большую часть времени нашего отдыха. И, честно говоря, это развлечение мне стало немножко надоедать, потому как кроме пищи телесной, у моего организма, в отличие от Андрея, была еще потребность в пище духовной.

К тому же я была обижена. Вчера во время наших посиделок у камина он все испортил. А ведь вечер начинался так хорошо. Почему, из за какой очередной глупости? Мы вместе готовили, болтали о всякой ерунде, потом, сытые и опьяневшие, мы свалились перед камином, где с удовольствием прикончили еще бутылку пьяного эльзасского вина. И все вроде бы было так душевно и романтично. И поскольку Андрею было всегда нелегко говорить об отношениях, а более свойственно не выражать свои эмоции, отчаянно прятать любые выражения чувств, то, поняв романтичность момента, он грубо испортил все, что, как мне показалось, могло перерасти в нечто большее, чем очередной побег на уикенд из Москвы в его дом на юге Франции.

И, почувствовав, что ситуация вышла из-под контроля, и что еще чуть-чуть и он вынужден будет отвечать на мои вопросы о совместном будущем, он начал вспоминать о своих старых связях. С таким же успехом он мог бы рассказывать мне о романе с какой-нибудь знаменитой голливудской актрисой. Я знала, что таится за этими рассказами... Это меня совсем не трогало. Я подсознательно чувствовала, нет, скорее я была уверена, что была у него единственной уже на протяжении многих лет... Любопытно, что эти разговоры выводили его из себя и не трогали меня.

При этом он умудрялся обвинить меня в корыстности наших отношений, разнице в возрасте, моем браке, ставшим былью давным-давно, и еще бог знает в чем, включая мировой кризис. Надо признать, что Андрей не любил однообразия, и все эти сценки злости и ярости, разговоры, приводящие его самого в бешенство, имели место лишь для того, чтобы развеять скуку. Его скуку. Эта обидная ухмылочка на его лице заставляла меня каменеть и

снова и снова принимать решение о моем уходе. Создавалось ощущение, что именно такого шага он и ожидал от меня, испытывая меру моего терпения.

Но потом, конечно, мы как всегда помирились и, зная правила игры, закончили вечер в нашей гигантской кровати, прижавшись друг к другу горячими телами, и мое лицо, мокрое от слез, которых он никогда не видел, расплывалось в кошачьей улыбке.

Мы познакомились шесть лет назад, после того как мой брак с французом был окончательно завершён, оставив после себя знание языка и разрешение на проживание во Франции. Я вышла замуж так внезапно, ничего не зная ни о мужчинах, ни о жизни за границей. Мой муж, молодой смазливый француз, студент университета живописи, перевез меня в Париж, когда мне исполнилось 23 года. Мы жили весело, беззаботно и очень бедно. Наше бешеное увлечение живописью и принадлежность к разношерстному артистическому обществу Парижа, кормило нас таким шквалом эмоций, что о еде мы думали редко. Иногда нашей дневной порцией пропитания была чашка кофе и пачка сигарет. Однако жить во Франции было для меня ново, интересно и отнюдь не тяжело. Я легко овладела французским, обзавелась друзьями, а позднее и любовниками, нашла себе неплохую работу и через несколько лет чувствовала себя настоящей парижанкой. Мы развелись довольно легко, но назад в Россию я так и не вернулась... Пока не познакомилась с Андреем.

Это французское наследство сильно отличало меня от других претенденток на пост спутницы Андрея, так как большинство желающих хотели не только присоединиться к увлекательному процессу траты его состояния, но и получить возможность выезда все на тот же Лазурный берег Франции, где и предполагалось с гордостью демонстрировать результаты обладания кошельком Андрея, вывешивая на себя все купленное, словно медали за добычу и захват его в качестве мужа. А возможность жить за границей у меня была и без Андрея. К тому же я не очень любила Ниццу за ее туристическое наследие, наглые цены и огромное количество французских и английских стариков, приезжающих сюда проводить остатки их жизней. Я, конечно, не имела ничего против них, но эта старость, возникающая на Лазурке везде, от теннисных кортов до пляжей, вымощенных мятыми и сморщенными телами, приводила меня в ужас. Я понимала, что я тоже не молодею и совсем скоро окажусь на их месте. Одним словом, я не любила ни Ниццу, ни Канны, чем в свое время сильно шокировала Андрея.

2

И вот, шесть лет спустя, я все еще не понимала, где мы находимся в наших отношениях. Я могла бы подождать еще лет десять, но никакой уверенности в том, что спустя годы я смогу занять позицию жены, у меня не было, и дабы не тратить время, мне нужно было знать, кто я в его жизни сейчас.

Мы прилетели всего на два дня. Чтобы побыть вдвоем, подумать, остановить время и никуда не спешить. Отключить телефоны и ни с кем не общаться. Мы часто делали так. Срывались, стоя в пробке, заказывали билеты и уже через несколько часов сидели в самолете, уносящем нас туда, куда на тот момент были свободные места. Это были то Вена, то Париж, то Прага, то Хельсинки. Нам было совершенно неважно.

Деньги Андрея давали неограниченную свободу делать то, что мы хотели, а умение ими распоряжаться, что было далеко не у всех его приятелей, дарило нам массу незабываемых впечатлений и оставляло в памяти зарубки, о которых было приятно вспоминать. Одно только плохо: Андрей не любил помнить и хранить, а как следствие этого ненавидел и фотографироваться.

Я таскала с собой маленькую камеру, и, несмотря на его ворчания, снимала все подряд, чтобы помнить. Через четыре года наших с ним путешествий я уже начала забывать места и события, потому обойтись без камеры уже не могла, тщательно храня файлы и подписывая даты. Я таскалась с ним повсюду, создавая ему уют, заботясь о его капризах, терпя его брюзгливый характер и все-таки искренне любя его. Иногда мы ходили на сумасшедших любовников, иногда на супругов на грани развода, порой на животных, встретившихся на лесной тропинке и продолжающих свой путь вместе, повинувшись только каким-то инстинктам и нуждам. Но мы, оба определенно страдали от любой разлуки, еще вчера желая ее от чистого сердца.

Я любила помнить хорошее. Хорошее с Андреем. Потом с каждой поездкой романтизм начал исчезать, и я уже стала понимать, что эти побеги нужны ему не для того, чтобы уединиться со мной. А в основном, чтобы отдохнуть от московского темпа жизни, дел, серости города и просто потратить деньги. Андрей не любил копить. Он вырывался из города и тратил, тратил неистово, покупая себе и мне красивую жизнь, ни о чем не жалея и не считая, не заглядывая ни назад, ни вперед.

Тогда и я стала приспосабливаться к таким поездкам, ища в каждой стране что-то особенное, подчеркивающее именно это место. Каждая страна обладала своим особым колоритом и традициями, и я тщательно изучала их по дороге в новое путешествие, выбирая самые интересные и незабываемые маршруты.

В Лондоне я не пропускала five o'clock, щепетильно готовясь к этому событию, выбирая отель с нарядным и чопорным убранством и наивкуснейшим печеньем на столе, которое Андрей как маленький ребенок тайно рассовывал по карманам своего пиджака, делая вид, что оно невкусное.

В Нью-Йорке я тащила его в Центральный парк, где, расстилая одеяло, которое он с ворчанием тащил на себе, мы падали на траву, и я читала ему какую-нибудь смешную дурацкую книгу, а он, на миг позабыв про свое занудство, хохотал над эпизодами, а потом, опомнившись, говорил, что ничего глупее никогда не слышал.

В Лугано мы седлали холеных лошадей и носились по заповеднику, собирая белые грибы, замеченные на скаку. Которые потом вечно пьяные братья – повара из таверны Chez Gabi, что в глухой деревушке на дороге, жарили их нам, щедро подливая молодое швейцарское вино. Андрей как всегда ворчал, жалуясь на ноющие ноги, но я знала, что это просто

ритуал, а на самом деле вся идея конной прогулки, на которой я со скандалом настояла, безумно ему нравилась.

Вот если бы все придумывал он, тогда совсем другая история, и если бы даже его спина переломилась пополам, и ноги стерлись от жесткого седла, он бы сидел и улыбался, никогда не признав, что все было ужасно. Но так как все идеи приходили в мою шальную голову, наполненную романтизмом и приключениями, то, безусловно, каждая из них подвергалась тщательной критике.

Я знала его насквозь, поначалу обижаясь на его занудство и пытаюсь переделать под себя, позже я поняла, что это совершенно бесполезно, и каждая моя попытка рождает еще большее сопротивление.

Поэтому я перестала расстраиваться по этому поводу и стала получать удовольствие от моментов. Так вот, в миллионный раз выслушав речь о моей дурацкой идее, которая впоследствии оказывалась одним из лучших эпизодов его жизни, и в чем он даже под пыткой мне бы не признался, мы исследовали города и страны, а я вела фотодневник, который по сей день остается моей тайной. Его же нелюбовь к фотографиям остается секретом и для меня.

Могу лишь только подозревать, что боязнь оказаться со мной на одном снимке, по его мнению, даст мне повод думать о нашем совместном будущем, которое он, судя по всему, не допускал. Тогда мне не понятно, почему он четвертый год повсюду таскает меня за собой и стоило лишь только намекнуть о возможности моего ухода, который я, кстати, так никогда и не решилась совершить, как он тут же шел на мировую, и все начиналось опять. Опять по-старому...

3

На сей раз мы оказались во Франции. Недалеко от Ниццы у Андрея был дом, он купил его давно, на волне массовой скупки недвижимости на Ривьере. Потом забросил его, и много лет дом пустовал, пока в нем не появилась я.

Я открыла ставни и запустила свет. Я отмыла старый мраморный пол, посадила цветы на подоконниках, развела огонь в заброшенном камине, испекла яблочный пирог с корицей. И дом вдруг ожил. И Андрей полюбил его. Теперь мы часто приезжали сюда вдвоем. Мы сбегали из мрачной столицы за глотком морского воздуха и рассветами, за вкусными хрустящими багетами и прованским вином, за покоем в тени ветвистой сосны, которая своей кроной закрывала нас и от дождя, и от солнца.

А сейчас мы приехали в наш дом, чтобы подумать и разобраться. Мы как-то незаметно превратили наши с Андреем отношения в бесконечные соревнования по остроумию, в гонку за независимостью, за завоевание медалей легкомыслия и грамот беззаботности. Трудно сказать, у кого из нас было больше наград, но мы, как сумасшедшие, не уступали друг другу, борясь за последнее сказанное слово или взгляд.

И это вовсе не значило, что я хотела стать мудрой, скучной и занудной дамой, с точными целями и ориентирами. Только я точно не хотела все жизнь пробегать, маскируясь под легкомысленную дурочку, не задумывающуюся о своем будущем и не замечающую, как минута за минутой тикают часы, унося мою жизнь и надежду обрести дом, семью и любовь. Я не хотела всю жизнь соревноваться, а только верила в любовь и ждала того дня, когда Андрей перестанет, наконец, со мной бороться.

Находясь во Франции, мы никогда не завтракали дома. В любой деревушке, будь она на берегу или высоко в горах, всегда находилось маленькое кафе, где подавали знаменитые на весь мир пышные лимонные пироги, булки с горячим шоколадом внутри и персиковое варенье с миндалем. Проснувшись, мы несказанно обрадовались, вернее, я довольно улыбалась солнечному и теплomu дню, заблудившемуся в середине глубокой осени на Ривьере. А Андрей как всегда делал вид, что утро такое же, как и везде. Выбравшись из кровати, мы незамедлительно спустились в гараж. Андрей сел за руль, и мы открыли крышу машины.

Не иметь машину во Франции было бы преступлением. За каждым поворотом открывался пейзаж, достойный руки творца. Желтые скалы, из которых тысячами проросли мохнатые сосны, источающие дурманящий эликсир, улавливаемый на каждой извилине дороги, высокое синее небо, расчерченное полосками самолетов, и просветы, сквозь которые виднелось лазурное море, покрытое бликами яркого солнца – все это поражало воображение человека, вырвавшегося одним осенним утром на пару дней из грязного, вонючего города.

Шины не издавали ни единого лишнего звука, который мог бы побеспокоить поющих цикад, а лишь тихо скользили по идеальному покрытию дороги, поблескивающему гранитной крошкой. Мы ехали в ближайшую деревушку, где нас как всегда ждал любимый пирог из винограда, ароматный капучино и сладкий апельсиновый сок.

– Боже, – вздохнула я, делая глоток, – какое счастье.

– И в чем же оно? – спросил Андрей, перелистывая страницу.

По утрам, за чашкой горячего напитка он любил рассматривать утренние газеты. Он рассеянно скользил глазами по статьям, пока, в конце концов, не впивался взглядом в какую-нибудь политическую глупость. Он то хмурил брови, то улыбался, а когда очередная новость веселила его, он заходился мальчишеским смехом и читал это вслух для меня. Я же не в

силах разобраться в тонкостях государственных игр, лишь улыбалась ему в ответ. Андрею было весело, а значит, и мне хорошо.

Я любила пить кофе и рассматривать людей за столиками. Здесь, во Франции мне нравилось, что никто никуда не спешил. Я уже знала, что никуда не спешат они исключительно по причине национальной лени. Но для непосвященного создавалось впечатление, что французы – тонкие, понимающие жизнь люди, ценящие моменты и вдохи-выдохи, что-то приблизительно похожее на буддистов. Однако таким утром, как сегодня, я разрешала себе не вдаваться в детали французских характеров и предпочитала наивно мечтать о совершенстве этого мира.

Люди непринужденно болтали, и по всему было видно, что завтрак их продолжался не один час. У них надо учиться жить. Жить медленнее. В Москве мы влетали в кафе или ресторан, расшвыривая по сторонам пальто и сумки, за тридцать минут успевали съесть по четыре блюда. И порой к вечеру я и вспомнить-то не могла, что было на завтрак. Но я могла бы поспорить, что тот француз у окна мог бы даже сказать мне, сколько ложек джема он намазал себе на тост месяц назад.

– Счастье, – очнулась я от своих мыслей, – это когда совпадает много вещей в одном месте. Ты, я, кофе... Это осеннее утро.

– Какой же ты еще ребенок, – сказал Андрей, – это утро такое же, как сотни других. Дома у тебя есть кофе машина, и я почти всегда завтракаю с тобой вместе. Но все это не делает тебя такой счастливой. У тебя вид, будто случилось нечто особенное.

– Конечно, особенное. Ты – старый и развратный циник... Для меня в этом утре есть ты. Бывают дни, когда мы не вместе, и тогда все совсем не так. Я их ненавижу.

– Да? Какие интересные детали... Какая разница, где и с кем кушать? Главное, чтобы булочки были горячие, – опять сказал он очередную гадость.

Другая женщина на моем месте непременно обиделась бы. Но я-то знала эту игру, и по правилам, если хотела ее продолжить, должна была быстренько придумать ответ, полный сарказма и самодостаточности. На самом же деле он любил завтракать со мной. Он все любил делать со мной. Я знала правила, играла честно, много не требовала и искренне о нем заботилась. Хотя с его деньгами он мог бы окружить себя сотнями красивых женщин, готовых выполнять все его прихоти. Но они не умели играть по его правилам, были капризны, поверхностны, и именно по этой причине я уже шестой год прочно держалась рядом с Андреем.

4

За эти годы, что мы были вместе, в его жизнь врываются и просачивались другие женщины. Я знала это, и сначала мне было больно. Я уходила. Он догонял. Потом опять появлялась другая. Но он всегда возвращался ко мне, и, в конце концов, оставил попытки искать связи на стороне. Со мной было хорошо и удобно. К тому же, по большому секрету я получила информацию из уст его мамы, что, со слов Андрея, я – то, что надо. Это и дало мне повод для начала разговора, который я думала завести во время нашей поездки сюда. Но момент сейчас был неподходящий, потому я решила просто поболтать.

– Я тоже люблю булки. Но больше мне нравится, когда на завтрак есть мужчина. Когда просыпаешься, а он рядом.

– То есть неважно, кто, лишь бы был мужик, иначе ты будешь голодная?

– Да, мне все равно, как и тебе, лишь бы был горячим и свежим.

Андрей сделал вид, что его совершенно не тронул мой ответ, но я-то знала, что намек не остался незамеченным.

– Тебе скучно со мной? – спросила я.

– Почему?

– Я говорю то, что ты хочешь слышать. Не надоело?

– Нет, ты же знаешь, мне это удобно.

– А почему тебе никогда не приходило в голову спросить, как мне с тобой живется?

– Ну, если ты до сих пор здесь, то, по-видимому, хорошо, – парировал он.

Вот так, сегодня выиграл он, и я знала, что сказав опять какую-нибудь колкость, легко смогу свести счет в ничью. Только это было бесполезно. Я бы, конечно, могла позволить себе быть несчастной, помучаться от того, что меня не понимают. Но мне не хотелось. Я смотрела на луч солнца, гуляющий по его седым вискам, на кончики морщинок его глаз, прикрытых модными очками, а потом на свои руки. У меня тонкие и красивые пальцы, и, глядя на них, я всегда жалела, что не умею играть на фортепиано. Думаю, что было бы невероятно приятно наблюдать за моей красивой кистью, и легкие нежные прикосновения к клавишам могли бы сильно выделить меня в очереди тридцатилетних невест. Но, к сожалению, если овладеть техникой игры на пианино я еще могла, то с Андреем у меня было не так много времени. Руки мои покрывались тонкой сеткой маленьких упрямых морщинок, и остановить этот процесс я не могла.

За соседний столик присела семья французов с двумя детьми. Они шумно начали двигать стулья, и детский смех разрушил медленное течение жизни в кафе. Старики улыбались, глядя на галдящих детишек, принесших движение в пенсионерскую аудиторию кафе, где даже мы с Андреем казались немолодой, давно и прочно женатой парой. Они были милые, нарядные, какие-то солнечные, и я залюбовалась. Андрей раздраженно отодвинул чашку.

– Завтрак, кажется, закончен. Я бы рядом с табличкой «Не курить» повесил «С детьми нельзя».

– Ты бы мог даже купить этот или любой другой ресторан и назвать его «Пошли все вон», – сострила я.

– Я уже думал об этом. А что если я куплю его тебе, и ты будешь держать кафе для меня?

Я посмотрела на меню, на обложке было написано: «Открыто с 1908 года». Потом бросила взгляд на хозяина заведения за стойкой бара, ему было около 60 лет, и, судя по его общению с постояльцами, работал он тут лет пятьдесят после его деда, прадеда и так далее.

– Боюсь, что оно не продается.

– Все, кошечка моя, продается. Вопрос цены. Хочешь?

– Нет, – ответила я, не задумываясь. – Ну уж нет. Сидеть тут, печь тебе булочки в надежде, что ты когда-нибудь приплывешь ко мне? Как Ассоль в красненьком передничке расхаживать по дому, глядя в окошко, в печали замешивая тесто, без единого шанса устроить свою личную жизнь?

– Да, – ответил Андрей, подумав, – эта роль не для тебя. Тебе больше подойдет по сугробам, в московской грязи, глотая боль обид и унижения, идти сквозь бури, ветер и невзгоды за постоянно убегающим и ускользающим из твоих рук циничным миллионером.

Андрей встал и кинул монетки на стол. Мы вышли из кафе и, обнявшись, побрели в сторону рынка. Вот такая мы были странная пара. Отхлестав друг друга перчатками по щекам, мы, прижавшись телами и взявшись за руки, продолжали свой путь в неизвестность наших чудных отношений.

5

Мы вышли на рыночную площадь маленькой деревушки Эз, пестрящую от ярких тен-тов, разноцветных букетов цветов и осенних овощей, где в воздухе витали запахи свежеспеченного лукового пирога, лаванды и маринованных оливок. Вообще рыночным площадям во Франции я бы посвятила оду, полную восхищения и любви к этому эпизоду славной деревенской жизни, потому как люди, торгующие на базаре, приходили сюда не столько за тем, чтобы продать товар, а скорее за возможностью общения, обменом сплетнями и улыбками и за приятным времяпровождением в кругу старых знакомых и соседей. Взявшись за руки, мы бродили среди прилавков, пробовали ароматные горячие булочки с яблочным вареньем, любовно сваренным бабулькой – одуванчиком в белоснежном переднике. Потом выпили по стаканчику розового прованского вина, закусив свежими анчоусами на поджаренном хлебце, поболтали с продавцом специй и картофельных драников и, выбрав несколько симпатичных безделушек из горного камня в подарок моим подружкам, поехали в старинное шато, перестроенное в, пожалуй, самый романтичный ресторан на этой планете. Андрей любил это место – высоко в горах, на самом краю тонкой скалы, к которой я безумно боялась даже приближаться. Он походил к ограждению и вдыхал полной грудью воздух гор и моря. Совсем низко, над головой носились птицы, недовольные появлением человека на их высоте, яхты казались всего лишь едва различимыми точками в волнах лазурного моря, и даже Кап Фера выглядел как какой-то малюсенький отросточек от плавной и выгнутой линии побережья.

Сюда, в этот старинный замок, который мы прозвали «гнездом», съезжалась самая изысканная публика. Счет в ресторане намного превышал зарплаты простых людей. Еда была благородной, ручной работы от именитых поваров, а вина предназначались исключительно для взыскательных клиентов с толстыми кошельками и для таких, как Андрей, пафосных заезжих выпендренчиков. Замок был окружен садом, на территории которого прорастали вековые эвкалипты и всевозможные виды роз. В разноцветном калейдоскопе чайных роз – алых и пурпурных цветов, окутанные нежнейшим ароматом мы бродили в ожидании своего столика, забронированного несколько недель назад. Узкие дорожки, посыпанные мраморной крошкой, уводили в скрытые в потайных уголках сада беседки, где можно было любоваться трагическими видами со скалы и целоваться. Пока еще теплое осеннее солнце ласкало зеленые листья, и только шум падающей воды из многочисленных водопадов, спрятанных среди туй и можжевельников, нарушал тишину и спокойствие старого сада. Спустя десять минут мы заблудились. Все дорожки вели в тупик, где нашим глазам открывались другие потайные террасы с потрясающими видами побережья. Я подошла к Андрею и поцеловала его в губы. Он ответил, и мы как молодожены продолжали страстно и нежно пожирать друг друга. «Так не целуют, когда не любят», – успела подумать я, тая в его руках, как в ту же секунду Андрей отстранил меня.

– Слушай, мы есть-то сегодня будем или как? Давай выбираться отсюда, – сказал он, таща меня вверх по ступенькам.

Я тихо и незаметно плакала, безропотно семеня за его спиной. Так грубо, опять. За что?

Через пятнадцать минут он взбесился. Мы вновь и вновь возвращались на то же место. Прямо над нашей головой я заметила узкую каменную лестницу, ведущую на верхний карниз, и пока Андрей звонил администратору гнезда, я ловко вскарабкалась на нее и очутилась на залитой солнцем террасе.

В нос мне ударил запах жареного барашка с розмарином. Оглянувшись, я увидела столики, накрытые белоснежными скатертями. Сервировка была настолько изысканная, что можно было подумать, что ожидается прием каких-то королевских особ.

Каждый столик украшал нежный букетик осенних цветов, хрустальные бокалы Лалик, ножки которых были выполнены в форме оленьих рогов, и солнечные лучи, гуляющие по кромке бортов, притягивали меня с какой-то магической силой. Вдруг двери замка распахнулись, и из них вывалила компания смеющихся молодых мужчин. Одеты они были так, словно только что сошли со страниц журнала мод. Окутывающий их аромат дорогих изысканных духов тут же наполнил все пространство уличной террасы. Я смотрела на них замороженными глазами, затаив дыхание. Они были молоды, красивы, энергичны, и чувство зависти захлестнуло меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.